

КОСВЕННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)

Настоящая статья посвящена языковому взаимодействию при переводе, выраженному в виде косвенной интерференции. Рассмотрено функционирование ряда местоимений в переводных и оригинальных текстах. Показано, что переводные русскоязычные тексты сценариев документальных фильмов отличаются большей местоименной насыщенностью, чем аналогичные непереводные тексты, что объясняется влиянием исходного (французского) языка.

Введение

Языковое взаимодействие и его результаты исследуются в рамках самых разных областей лингвистического знания, включая в себя широкий круг вопросов от языкового заимствования, интерференции, конвергенции, переключения и смешения кодов (code-switching, code-mixing) вплоть до образования пиджинов, креольских, смешанных языков и т.д. В сферу интересов контактологии попадает всякая речевая деятельность двуязычного индивида. Так, перевод также может рассматриваться в рамках теории языковых контактов, хотя этот объект вынесен далеко на периферию и зачастую характеризуется как «малоинформативный». Изучение переводческой деятельности как языкового контакта имеет важное значение для теории и практики перевода. Традиционно все ограничения в переводе сводятся к проблеме переводимости/непереводимости. Нельзя отменить языковую идиоматику, но, на наш взгляд, продуктивнее будет исследовать проблему ограничений в переводе как результат ограниченности двуязычия самих переводчиков, ведь даже если носитель языка на самом деле не может выйти за пределы соответствующего языкового круга, то он может его хотя бы расширить.

Результаты исследования и их обсуждение

При языковом контакте сценарий возможного взаимодействия контактирующих языков может иметь несколько вариантов развития, что подробно описано в одной из самых цитируемых в последнее десятилетие работ по контактологии Т. Кауфмана и С. Томасон «Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics»: 1) система сохраняется (language maintenance); 2) система изменяется (language shift); 3) создается новая система (language creation) [1]. Данная схема применима и к

рассматриваемому нами языковому взаимодействию при переводе (с некоторыми оговорками, что обусловлено спецификой ситуации языкового контакта при билингвизме переводчиков).

В первом случае речепроизводство на языке перевода будет лишено всяких признаков влияния исходного языка, исключение может составлять сознательное, функционально обусловленное включение переводчиком средств исходного языка в текст на языке перевода. Во втором случае язык перевода будет испытывать влияние исходного языка, что может проявляться в виде нарушения норм (например, грамматических) языка перевода, в виде отклонения относительных частот элементов (слов, словосочетаний, синтаксических структур) переводного текста по сравнению с оригинальным (т.е. непереводаемым), а также в специфичном применении норм ЯП переводчиками. Что же касается третьего случая, то, на первый взгляд, задачи переводческой деятельности исключают (должны исключать) саму возможность смешения используемых переводчиком–билингвом языков. Однако перевод как феномен билингвизма зиждется на способности переводчика успешно осуществлять переключение кодов (code-switching) и избегать их смешения (code-mixing). Именно два этих процесса лежат в основе образования смешанных языков (mixed languages) и, в частности, «переводческого языка». Несмотря на осознанную установку избегать вторжения системы исходного языка в систему языка перевода, переводчик отождествляет системы используемых им языков. Тогда в сознании переводчика происходит в некотором роде смешение двух языков, возникает третий язык, называемый «переводческим» (translationese). Четкое научное определение «переводческого языка» в лингвистике отсутствует. Чаще всего в этом качестве рассматривается ЯП, где выявляются факты влияния ИЯ [2], [3] и др. Таким образом, «переводческий язык» (или третий код) представляет собой продукт языкового смешения в сознании переводчика.

Языковое взаимодействие чаще всего рассматривается как интерференция – «отклонения от норм любого языка в результате того, что они (билингвы) знают больше языков, чем один» [4, 22]. Следует сразу отметить, что интерференция — лишь одно из проявлений языкового взаимодействия (как «комплекса явлений, развивающихся после установления языковых контактов» [5, 17]). Но с подачи У. Вайнрайха (хотя программу изучения и описания языковых контактов как процесса интерференции еще раньше наметили работы Л.В. Щербы) понятие *интерференции* стало, вероятно, центральным в теории языковых контактов. Именно **интерференция как результат языкового взаимодействия исходного языка и языка перевода** составляет предмет нашего исследования.

При общей ориентированности переводных текстов на иноязычный оригинал [6, 108] интерференция в переводе традиционно

рассматривается, в первую очередь, как **источник ошибок**, демонстрирующий, что переводчик механически переносит особенности ИЯ на ЯП. Именно в интерференции видят главную причину переводческого буквализма, а также свидетельство недостаточной квалифицированности переводчика. В данном случае речь идет о **прямой интерференции**.

Нас же интересует другой тип интерференции, более характерный для переводов с иностранного языка на родной, когда переводчик, хорошо владеющий родным языком, не переносит слова и структуры иностранного языка в текст перевода, но текст перевода все-таки имеет оттенок иноязычности. Такой тип языкового взаимодействия мы вслед за К. Клауди будем называть **косвенной интерференцией** [7, 81].

Под **косвенной интерференцией** следует понимать **результат языкового взаимодействия исходного языка и языка перевода, проявляющийся не в нарушении норм ЯП (грамматических ошибках, лексических или стилистических неточностях), а в форме отклонения относительных частот или обязательности употребления единиц ЯП.**

Методика исследования, направленного на обнаружение фактов прямой и косвенной интерференции, будет различаться. В первом случае достаточно сопоставительного анализа текстов перевода и их оригиналов, чтобы обосновать предположение о том, что тот или иной анализируемый факт есть следствие языкового взаимодействия. И если прямая интерференция – это источник ошибок, то косвенная – источник тенденций нехарактерного для данного языка поведения элементов в переводных текстах. Суть исследования косвенной интерференции состоит в том, чтобы сравнить переведенные тексты не только с их оригиналами, но и с непереводаемыми (т.е. изначально написанными на языке перевода). Применяя статистический подход, можно показать определенные количественные различия между переводными и непереводаемыми текстами, обусловленные влиянием исходного языка.

В рамках нашего исследования анализируются переводы аудиовизуальных (документальных научно-популярных телефильмов) текстов с французского языка на русский (т.е. рассматривается перевод на родной язык), выполненные переводчиками, сотрудничающими с Белтелерадиокомпанией, и их французские оригиналы. А также оригинальные (т.е. непереводаемые, написанные на русском языке) сценарии документальных фильмов. Таким образом, мы имеем корпус переводных текстов (его мы будем называть *переводным корпусом (ПК)*), корпус соответствующих французских оригиналов (*оригинальный французский корпус (ОФК)*) и корпус оригинальных русских текстов (*оригинальный русский корпус (ОРК)*). Переводной и оригинальный французский корпусы включают 142 текста, оригинальный русский – 111 текстов. Объем ОФК – 634 183 словоупотребления (tokens). Объем русскоязычных корпусов

составляет около 480 000 (ПК – 479 363, ОРК – 479 506) словоупотреблений, тексты, вошедшие в оба корпуса, характеризуются относительной жанровой однородностью.

При анализе материала для автоматизации его обработки использовались программы-конкордансеры AntConc3.2.4w (Windows) и TextSTAT2.8g. С помощью данных программ составлялся конкорданс (т.е. вертикальный список случаев употребления языковой единицы, который имеет заданную глубину контекста справа и слева от запрашиваемой единицы) для той или иной языковой единицы, подсчитывалось количество ее употреблений в анализируемых корпусах.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить те невидимые на первый взгляд факты косвенной интерференции, которые носитель языка чувствует интуитивно, и показать, что переводчик, хоть и является носителем языка перевода, однако под влиянием системы исходного языка теряет свою «языковую интуицию».

С этой целью мы рассмотрим особенности функционирования некоторых местоимений в переводном и оригинальном корпусах.

В самых общих чертах французские и русские местоимения проявляют аналогию, в обоих языках выделяются одинаковые группы местоимений. Различия касаются состава отдельных групп, выражаемых грамматических значений, а также функций однотипных местоимений. Одной из особенностей функционирования местоимений французского языка по сравнению с русским является их частотность. Все разряды местоимений во французских текстах употребляются чаще, чем в русских, так как во французском языке употребление местоимений диктуется не только семантической необходимостью, но и требованиями структурного порядка (так обеспечивается полнота именной или глагольной группы) [8, 129-130].

Как следствие, переводчику, работающему с парой французский-русский языки, приходится в процессе перевода преодолевать подобную «местоименность» французского текста. Всегда ли удастся это сделать?

В ходе предварительного анализа переводных текстов были отмечены случаи избыточного употребления личных местоимений в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом:

(1) *Это непросто, потому что я тоже упрямая. Даже если я хочу доставить режиссеру радость и быть хорошим солдатом, я всё равно начинаю бунтовать. И если я сажусь на любимого конька, то иногда просто приходится останавливаться, говорить себе: «Эй, эй! Спокойно, спокойно, молчи... молчи...!» [Жюльетт Бинош].*

Наш интерес к данному явлению обусловлен тем, что употребление личных местоимений в функции подлежащего при сказуемом-глаголе в личной форме относится как раз к сфере «языковой интуиции», так как наличие или отсутствие таких личных местоимений нормативной

грамматикой русского языка никак не регламентируется. Носитель русского языка даже не задумывается над употреблением этих местоимений, а вот для иностранца, изучающего русский, возникает огромное количество вопросов. Работ, посвященных непосредственно правилам употребления личных местоимений при глаголе-сказуемом, сравнительно немного. Здесь следует выделить отдельные публикации И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Л. Гренобль, О.С. Горицкой [9], [10], [11]. Нас же будет интересовать вопрос не о том, в каких именно случаях в русском языке грамматически избыточное местоимение-подлежащее опускается или не опускается, а то, насколько регулярно это происходит.

Русский язык относится к так называемым *pro-drop* языкам. Данный параметр был введен в генеративной грамматике для описания типов языков и указывал на возможность (*pro-drop*) или невозможность (*non-pro-drop*) нулевого местоимения в функции подлежащего. В *pro-drop* языках местоимение-подлежащее при глаголе-сказуемом оказывается избыточным. Нормативность присутствия/отсутствия таких местоимений различна: в одних языках избыточное местоимение опускается, в других его присутствие факультативно и определяется рядом факторов. Русский язык здесь допускает вариации. Наиболее самостоятельна форма лица в глаголе 1-го и 2-го лица, тогда как пропуск подлежащего в третьем лице создает явную несамостоятельность глагола [11, 186], поэтому эллипсис местоимений 1-го и 2-го лица наблюдается чаще. Немаркированным в русском языке все же считается наличие местоимения при глаголе-сказуемом, а его отсутствие является отступлением от нормы, имеющим свои причины и смысл [12, 187]. Однако согласно данным, полученным О.С. Горицкой из подкорпуса со снятой грамматической омонимией Национального корпуса русского языка (объем подкорпуса – 5 305 058 слов), менее половины глаголов 1-го и 2-го л. имеют местоименное подлежащее в пре- или постпозиции. Таким образом, ставится под сомнение тезис о том, что нормой для русского языка является употребление местоимения-подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом в личной форме [11, 41-58].

Французский язык относится к *non-pro-drop* языкам, соответственно эллипсис местоимения-подлежащего там не допускается. Согласно данным, приводимым В.Г. Гаком, субъектные французские местоимения используются на 60% чаще, чем соответствующие по семантике русские [8, 129]. Следовательно, можно ожидать, что при переводе с французского (*non-pro-drop*) языка на русский (*pro-drop*) процент «местоименности» переводных русских текстов может быть выше в сравнении с непереводами. Для подтверждения данного тезиса мы подсчитали в ПК и ОРК: 1) количество глаголов 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего времени; 2) количество местоимений 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. в именительном падеже с глаголом (местоимение находится в пре- и

постпозиции по отношению к глаголу); 3) для ОФК корпуса эллипсис местоимения подлежащего невозможен, т.е. ситуация М+гл. составляет 100%.

Частотность употребления местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом в переводном и оригинальном корпусах приведена в таблице.

Таблица - Употребление личного местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом

Лицо	Оригинальный русский корпус		Переводной корпус	
	М.+гл.	Гл. в личной форме	М.+гл.	Гл. в личной форме
я	1409 (64%)	2200	1608 (74.1%)	2171
мы	818 (53.5%)	1528	1199 (67.9%)	1765
ты	152 (21.9%)	693	315 (52.4%)	601
вы	332 (58%)	572	519 (70.3%)	738
Всего	2711 (54.3%)	4993	3641 (69%)	5275

Из данной таблицы следует, что в переводных текстах эллипсис грамматически избыточного местоимения при глаголе-сказуемом наблюдается реже (на 15%), чем в оригинальных русских текстах, что мы склонны связывать с влиянием системы французского языка, где данное явление недопустимо. Следует отметить, что общее число субъектных местоимений 1-го, 2-го и 3-го л. ед. и мн. ч. в переводном корпусе выше (в 1,17 раза): ПК – 13915, ОРК – 11904. В ОФК таких местоимений 17061.

Мы также обратили внимание на частотность объектных местоимений в исследуемых корпусах. Во французском языке объектные местоимения употребляются чаще, чем в русском, что связано с их использованием в контекстах, где из самой ситуации ясно, о ком или о чем идет речь, а также с требованиями структурного плана (например, при однородных глаголах-сказуемых) [8, 130]. Таким образом, есть основание предполагать, что и в переводных русских текстах частотность объектных местоимений может быть выше, чем в оригинальных. Подсчеты показали, что частотность данных элементов в корпусах различается, хотя и менее значительно, чем в случае субъектных местоимений: ОФК – 18129, ПК – 16063, ОРК – 14628 (доля объектных местоимений в ПК в 1,1 раза выше, чем в ОРК).

(2) *Знаете, мне повезло повстречаться с прекрасными людьми, которые мне помогали, меня направляли, которые меня любили... давали мне полезные советы [Великие обольстительницы кино. Даниэль Делорм].*

Схожую картину можно наблюдать в случае с употреблением указательных (демонстративов) и притяжательных (посессивов) местоимений в ПК и ОРК. В.Г. Гак отмечает, что французские

детерминативы употребляются на 50% чаще, чем русские местоимения-прилагательные, что связано с их функциональными особенностями [13], [8].

Во французском языке категория указательности (т.е. значения близости/отдаленности) выражается частицами *-ci* и *-là*, которые присоединяются к существительному, а не самой основой *ce (cet), cette, ces* (ср. с русским *этот – тот*). Нейтрализация значения близости/отдаленности выражается формой *ce ((cet), cette, ces)* без указательных частиц [13, 198]. Устранение оппозиции близость/отдаленность лишает указательные детерминативы специфики, приближая их функционально к артиклю. Так, во многих случаях демонстратив и определенный артикль оказываются взаимозаменяемыми. В тоже время определенный артикль вводит объект, исходя из пресуппозиции, а демонстратив — путем дейксиса, т.е. прямого указания на объект речи. Предварительных знаний в этом случае не требуется, и демонстративы могут указывать на объекты, впервые вводимые в речь, и тем самым сближаться по характеру детерминации с неопределенным артиклем [13, 198]. Наличие у французских демонстративов *ce (cet), cette, ces* функции актуализатора ведет к их большей частотности во французском языке сравнительно с русским. Так, во ОФК было отмечено 6363 употребления демонстративов.

Переводчики в большинстве случаев указательные детерминативы в переводе не опускают, даже если они очевидно избыточны. Как следствие, частотность указательных местоимений в переводных текстах выше, чем в оригинальных. Так, в ОРК нами выявлено 3171 употребление указательных местоимений *этот, эта, это, эти* во всех падежных формах, а в ПК таких употреблений обнаружено в 1,4 раза больше – 4271.

Наряду с указательными детерминативами во французском языке выделяют также указательные местоимения. Противопоставление детерминатив – местоимение осуществляется по признаку самостоятельности и выполняемой функции (детерминирующая или субститутивная). Среди указательных местоимений выделяют неавтономное указательное местоимение *ce*, которое выступает в функции подлежащего при глаголе *être* ‘быть’ [13, 258]. Оно превращается в формальное подлежащее, близкое к безличному *il*. Ср.: *il est facile* ‘легко’ и *c’est facile* досл. ‘это легко’. *C’est* является средством противопоставления подлежащего и сказуемого, аналогичным русскому *это*, обычно оно употребляется в конструкциях идентификации. Таким образом, французское указательное *ce* отождествляется с русским субстантивированным (употребляемым без определяемых слов) указательным местоимением в форме единственного числа среднего рода *это*.

Переводчики сохраняют в тексте перевода не только указательные детерминативы, но и сочетание *c'est* (где глагол *être* может употребляться в любой временной форме) передают через русское *это*, не прибегая к синтаксическим трансформациям. Так, в ОФК сочетание *c'est* встретилось 6437 раз. Частотность местоимения *это* в ПК оказалась в 1,6 раза выше, чем в ОРК: 4644 употребления в ПК, 3000 употреблений в ОРК.

(3) *Десять или одиннадцать недель, которые уходят на съемку фильма, - это время, которое принадлежит этому фильму, развитию его сюжета. Когда этот период завершен, мы будто оказываемся в другом временном измерении. Этот переход совсем не прост. Это, пожалуй, самый сложный этап съемок [Изабель Юннер]. - Les 10 ou 11 semaines que l'on passe à fabriquer ce film, aussi réel soit-il, c'est un temps qui appartient au film, à ce déroulement. Et quand ce temps est terminé, on est repris par un temps très différent. Ça ne se passe pas forcément simplement. C'est même ce qu'il y a de plus difficile.*

Следует также обратить внимание на особенность функционирования посессивов в исследуемых корпусах. Здесь под посессивами подразумеваются исключительно посессивные (притяжательные) местоимения в русском языке и посессивные детерминативы во французском, хотя оба рассматриваемых языка располагают разнообразным набором средств кодирования категории посессивности (как в широком, так и узком её понимании [14], [15]).

Сравнив имеющиеся у нас корпуса текстов, мы обнаружили, что в ПК посессивы встречаются в 1,25 раза чаще, чем в ОРК (ПК – 7906, ОРК – 6349). В ОФК было обнаружено 8105 таких употреблений.

В данном случае мы наблюдаем, как по-разному во французском и русском языках работает фактор отторжимости/неотторжимости обладаемого. Речь идет о более обязательном употреблении посессивного детерминатива с именами неотторжимых обладаемых во французском языке и о преимущественном опущении его в русском.

В.Г. Гак в своих работах называет такое употребление французских посессивов «при некоторых группах слов (части тела), особенно при словах, обозначающих часть целого, и вообще, когда отношения между предметами ясны из ситуации» избыточным или формальным [8, 130], [13, 202-203].

Как нам представляется, в рассматриваемых случаях употребление посессивов в русском языке обусловлено семантически, а во французском - структурно. Французское существительное нуждается в детерминации, и для имен неотторжимых обладаемых «лучшим» из ряда возможных (подробнее см. [16, 786-792]) детерминативов оказывается посессив. Причем в предложениях с однородными членами каждое существительное сопровождает свой посессив, тогда как в русском эквиваленте достаточно употребить притяжательное местоимение один раз.

Соответственно при переводе на русский в упомянутых случаях посессивы должны опускаться.

(4) *Чтобы определить возраст птенца, достаточно посмотреть на цвет его клюва, на его оперение и его поведение. [Аисты реки Луангва].*

(5) *Сразу я смог узнать только его глаза. Его изумительно красивые голубые глаза с чуть более темной каемкой, обрамляющей радужку. Его когда-то пухлые щеки впали, огрубели. Его голос утратил ту нервную напряженность, которая была мне в нем когда-то знакома [Артур Рембо].*

Выводы

На основании проведенного анализа можно констатировать следующее: русскоязычные тексты сценариев документальных фильмов, переведенные с французского языка, отличаются большей местоименной насыщенностью, т.е. местоимения в них представлены чаще, чем в аналогичных непереводах русских текстах. Учитывая, что в исходном языке (французском) местоимения функционально нагружены значительно больше и встречаются в текстах значительно чаще, чем в языке перевода (русском), повышенную местоименность переводных русских текстов можно объяснить влиянием системы французского языка.

Несовершенные или ошибочные речепроизведения на языке перевода, которые очевидны и легко выявляются в тексте, — прямая интерференция — являются проблемой более низкого порядка, нежели интерференция косвенная. Косвенную интерференцию преодолевать сложнее, так как проявляется она в «неорганичности» фразы на ЯП, а переводчик, работая над текстом перевода, в некотором роде утрачивает «языковую интуицию», присущую носителю языка.

Как показывает анализ переводных текстов, проблемными для переводческой деятельности оказываются случаи, когда ИЯ и ЯП различаются не столько составом своих элементов (лакуны), сколько их функциональной нагруженностью. Причина косвенной интерференции состоит одновременно в структурной схожести и функциональной специфике контактирующих языков. Недооценка явления косвенной интерференции ведет к тому, что, казалось бы, правильные с точки зрения норм ЯП переводные тексты, все же могут значительно уступать по своему качеству непереводам.

Литература:

1. Kaufman, T., Thomason, S. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics / T. Kaufman, S. Thomason. – University of California Press, 1992. – 411 p.

2. Newmark, P. About Translation / P. Newmark. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd – 1991. – 184 p.
3. Øverås, L. In Search of the Third Code: An Investigation of Norms in Literary Translation / L. Øverås // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal [Electronic resource]. – 1998. – Vol. 43, № 4. – p. 557–570. – Mode of access: <http://id.erudit.org/iderudit/003775ar>. – Date of access : 10.12.2010.
4. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: «Вища школа», 1979. – 268 с.
5. Языковые ситуации и взаимодействие языков / Н.Н. Быховец [и др.]; отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев: Наук. думка, 1989. – 203 с.
6. Комиссаров, В.Н. Проблема интерференции в теории перевода / В.Н. Комиссаров // Interferenz in der Translation/ Herausgegeben von Heide Schmidt. – VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1989. – С. 103–108.
7. Клауди, К. Косвенная (посредственная) интерференция при переводе с иностранного на родной язык / К.Клауди // Interferenz in der Translation/ Herausgegeben von Heide Schmidt. – VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1989. – С. 81–86.
8. Гак, В.Г. Сопоставительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с.
9. Фужерон, И. Когда я нужно / И. Фужерон, Ж. Брейар // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз.. – 2001. – № 4. – С. 53–57.
10. Grenoble, L.A. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian [Electronic resource] / L.A. Grenoble // The Slavica. East Europ. Lang. Resource Center. – 2001. – Iss. 1. – Mode of access: <http://seelrc.org/glossos>. – Date of access : 17.03.2012.
11. Горицкая, О.С. Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.С. Горицкая. – Минск, 2008. – 188 л.
12. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Госучпедгиз, 1956. – 510 с.
13. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
14. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
15. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.
16. Grevisse, M., Goosse, A. Le bon usage / M. Grevisse, A. Goosse. – Bruxelles : De Boeck, 2008. – 1600 p.

Summary

The article deals with language interaction in translation expressed as an indirect interference. We analyzed functioning of several pronouns in translated and original audiovisual texts (scripts of documentary films). We revealed that the number of pronouns in translated Russian texts significantly exceeds the same number in original Russian texts, as a result of the influence of the source language (French).